

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ» В ТРУДАХ МОРИСА ХАЛЬБВАКСА И ЯНА АССМАНА: ОТ КОЛЛЕКТИВНОЙ К КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ

УДК 130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-63-70>

Ю. М. Вертий

Южно-российский гуманитарный институт,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
e-mail: vertuvertiy@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются две концепции памяти – коллективная и культурная. Первая из них связана с именем Мориса Хальбвакса, а вторая, возникшая на её основе, – с именем Яна Асмана. М. Хальбвакс справедливо полагал, что коллективная и индивидуальная память социально обусловлены. Отталкиваясь от идеи М. Хальбвакса, Я. Асман выделил четыре фактора, с которыми связаны различные формы памяти – миметическая, предметная, коммуникативная и культурная. При этом именно культурная память занимает центральное место в его исследованиях по двум причинам: во-первых, к ней могут быть сведены остальные формы коллективной памяти; во-вторых, культурная память объединена с проблемой идентичности, которая является одной из ключевых социально-философских проблем современности.

Ключевые слова: память, Морис Хальбвакс, индивидуальная память, коллективная память, Ян Асман, миметическая память, предметная память, коммуникативная память, культурная память, идентичность.

Для цитирования: Вертий Ю. М. Становление понятия «культурная память» в трудах Мориса Хальбвакса и Яна Асмана: от коллективной к культурной памяти // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2024. №2 (118). С. 63–70. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-63-70>

THE FORMATION OF THE CONCEPT OF “CULTURAL MEMORY” IN THE WORKS OF MAURICE HALBWACHS AND JAN ASSMANN: FROM COLLECTIVE TO CULTURAL MEMORY

Yuri M. Vertiy

South Russian Humanitarian Institute,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
e-mail: vertuvertiy@rambler.ru

Abstract. The article examines two concepts of memory – collective and cultural. The first of them is associated with the name of Maurice Halbwachs, and the second, which arose on its basis, with the name of Jan

ВЕРТИЙ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ – аспирант, Южно-российский гуманитарный институт
VERTIY YURI MIKHAILOVICH – Postgraduate student, South Russian Humanitarian Institute

© Вертий Ю. М., 2024

Assmann. M. Halbwachs rightly believed that collective and individual memory are socially determined. Based on the ideas of M. Halbwachs, J. Assmann identified four factors with which various forms of memory are associated – mimetic, objective, communicative and cultural. Moreover, it is cultural memory that occupies a central place in his research for two reasons: firstly, other forms of collective memory can be reduced to it; secondly, cultural memory is combined with the problem of identity, which is one of the key socio-philosophical problems of our time.

Keywords: memory, Maurice Halbwachs, individual memory, collective memory, Jan Assmann, mimetic memory, object memory, communicative memory, cultural memory, identity.

For citation: Vertiy Yu. M. The formation of the concept of “cultural memory” in the works of Maurice Halbwachs and Jan Assmann: from collective to cultural memory. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2024, no. 2 (118), pp. 63–70. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2024-2118-63-70>

Тема культурной памяти стала актуальной в связи с высокой динамикой общественной жизни и теми радикальными поворотами, которые порой производят политики при оценке прошлого. Нередкое переписывание истории прошлого ставит вопрос о ценности культурной памяти и её сохранении. Но в связи с этим важно понимать, как сложилось само понятие «культурная память» и чем оно отличается от других близких философских и исторических категорий. Цель статьи – исследование становления понятия «культурная память», которое ныне активно используется и в теоретических разработках, и в деятельности СМИ.

Морис Хальбвакс: понятие коллективной памяти

Представление о памяти человека как глубинном источнике его воображения восходит к древнегреческой мифологии, в которой персонифицированной памятью служила богиня Мнемозина, считавшаяся матерью всех муз. Поскольку она обладала всеведением, считалось, что поэт, которым овладевают музы, пьёт из источника её знания. Среди дисциплин, занимающихся изучением памяти, особое место всегда отводилось психологии как науке о закономерностях возникновения, развития и функционирования психических процессов, состояний и свойств личности. С точки зрения этой науки память представляет собой отражение в сознании человека того, что существовало в его прошлом

опыте. При этом средствами такого отражения выступают запоминание, воспроизведение и узнавание.

Хотя термин «память» имеет множество значений, которые различаются в зависимости от контекста его употребления, в самом общем смысле он используется для обозначения способности сохранять, накапливать и воспроизводить хранящуюся информацию, а также – механизма её обеспечения. Первым исследователем, который указал на то, что память может относиться не только к индивиду, но и к группе, был Морис Хальбвакс (1877–1945), принадлежавший к французской социологической школе Эмиля Дюркгейма. В работе «Коллективная и историческая память», увидевшей свет в 1950 году, когда его уже не было в живых, он писал, что мы ещё не привыкли даже метафорически говорить о групповой памяти. Вместе с книгой «Социальные рамки памяти», вышедшей ещё при жизни М. Хальбвакса, эта работа положила начало новому направлению научных исследований, связанному с социологическим анализом памяти [17; 18].

Подход к изучению памяти, предложенный М. Хальбваксом, оказался новаторским. Будучи учеником Анри Бергсона и Эмиля Дюркгейма, он был в курсе научных исследований индивидуальных переживаний человека, а также владел методами социального анализа, учитывающими влияние общественных явлений на интимные стороны жизни инди-

вида. Соединение идей двух научных школ – психологической и социологической, которые существенно отличаются друг от друга, – воплотилось в создании М. Хальбваксом фундаментального произведения «Социальные рамки памяти». Написанное ещё в 1925 году, это произведение до сих пор считается одной из важнейших работ по проблемам коллективной памяти [12].

Работы М. Хальбвакса, расцвет деятельности которого пришёлся на период между двумя мировыми войнами, не сразу стали рассматриваться как имеющие самостоятельное научное значение, а воспринимались, скорее, в связи с исследованиями школы Э. Дюркгейма. Однако в настоящее время сформулированные в них идеи привлекают внимание представителей различных областей знания – историков, культурологов, социологов, антропологов, психологов, педагогов, философов и др. Актуальность их для современной России связана с тем, что в поисках своей идентичности она в очередной раз оказалась перед историческим выбором. Этот выбор сводится к тому, что из своего прошлого российскому обществу следует помнить, а что лучше было бы забыть [14, с. 40].

Основная идея, развиваемая М. Хальбваксом в его работе, сводится к тому, что память отдельных индивидов и их групп социально обусловлена. Свою аргументацию он строит следующим образом: чаще всего человек вспоминает о чём-то потому, что к воспоминаниям его побуждают другие люди. Память этих людей помогает его памяти, а она, в свою очередь, опирается на их память. Отсюда следует, что существует коллективная память и социальные рамки памяти. Человек способен к воспоминаниям, поскольку его мышление принадлежит к коллективной памяти, которая заключена в социальные рамки [18, с. 29].

Коллективная память, воплощённая в традициях, социальных институтах и т. д., обуславливает индивидуальную память, а важными факторами запоминания оказываются социальные взаимодействия и ритмы социальной жизни. Средством упорядочива-

ния воспоминаний в пространстве и времени служит социальная среда, которая является источником не только самих воспоминаний, но и встречающихся в них понятий [16, с. 386].

Коллективная память, оказавшаяся в настоящее время в центре внимания представителей многих научных дисциплин, касается воспоминаний, которые хранятся людьми как членами социальных групп. Причём эти группы могут быть как малыми, вроде семьи или школы, так и большими (например, политическими партиями или нациями), а членство в некоторых из них является важной частью их личностных характеристик. Будучи историей в том виде, в котором её помнят люди, коллективная память не является формальной историей, поскольку их воспоминания не всегда соответствуют историческим фактам.

Американский психолог Г. Л. Редингер, который считается одним из крупнейших современных исследователей в области человеческого обучения и памяти, выделяет три аспекта коллективной памяти. Во-первых, эту память можно рассматривать как совокупность знаний о том или ином предмете. Особенностью этого аспекта коллективной памяти является то, что она может меняться от одного поколения к другому. Во-вторых, коллективную память можно рассматривать как образ народа, возникающий из истории его происхождения. Наконец, она представляет собой коллективное воспоминание, выявляющее споры о том, как следует помнить прошлое. Практическая польза исследований коллективной памяти заключается не только в выявлении того, как различные группы и социальные общности помнят свою историю, но и в выявлении общего и различий в их взглядах на мир [13].

Полемика по поводу понятия коллективной памяти

Исследования коллективной памяти, начатые М. Хальбваксом, были продолжены целым рядом специалистов в области философии, истории, культурологии и других областей знания. В то же время в литературе

встречались критические замечания, касающиеся использования понятия коллективной памяти. Эти замечания можно свести к следующим пунктам:

- 1) субъектом памяти не может быть группа индивидов; воспоминания могут принадлежать только индивиду, а с его смертью они исчезают, поэтому понятие коллективной памяти может использоваться не буквально, а только метафорически;
- 2) такого феномена, как коллективная память, вообще не существует; то, что называют коллективной памятью, является не воспоминанием, а соглашением между людьми;
- 3) в связи с переходом от критики идеологии к коллективной памяти, произошедшим во второй половине 20 века, понятие коллективной памяти заменило собой понятие идеологии [9, с. 65].

Причины того, что некоторые авторы с осторожностью относились к идеям М. Хальбвакса, следует искать в необычности его позиции, согласно которой память не рассматривалась им как процесс сохранения индивидуальных впечатлений. Она вообще не является тем, что принадлежит отдельному человеку. Если индивид не является членом какого-либо сообщества, то он не обладает памятью, представляющей собой способность воспроизводить посредством внутренней речи те события, которые относятся к объективной реальности или к его внутреннему миру.

Выводы, полученные М. Хальбваксом в результате исследований, существенно меняли наши представления о памяти. В то же время они опирались на довольно солидную традицию, существовавшую в сфере гуманитарного знания. Так, ещё в конце 19 века А. Бергсон опубликовал работу «Материя и память», содержавшую критику точки зрения, согласно которой память имеет материальную природу [3, с. 414–668]. Эту точку зрения отстаивал французский живописец и график О. Т. Рибо, который утверждал, что память находится в определённой части

нервной системы, локализуясь в мозге. Иной позиции придерживался А. Бергсон, который различал две формы памяти – моторную и спонтанную. Из этих форм памяти первая связана с повторением некоторого действия (например, заучивание наизусть какого-то текста), а вторая фиксирует единичные события и выражает их в образах-воспоминаниях, которые обладают уникальностью. Согласно А. Бергсону, спонтанная форма памяти обращена в прошлое, а моторная относится к настоящему и обращена в будущее. Отсюда следует, что памятью в собственном смысле является только спонтанная форма памяти, тогда как моторная не является ею [4, с. 165].

Не соглашаясь со своим учителем, М. Хальбвакс полагал, что обе формы памяти существуют в социальных рамках. При этом он следовал традиции, характерной для французской социологической мысли 20 века. Согласно этой традиции всё индивидуальное интерсубъективно. По мнению Э. Дюркгейма, представленному им в его фундаментальном произведении «Самоубийство: социологический этюд», человеческая деятельность по своей природе коллективна, а ментальные процессы социально детерминированы [7]. М. Хальбвакс, который принадлежал к социологической школе Э. Дюркгейма, реализовал её магистральную линию применительно к исследованию человеческой памяти.

Значение деятельности М. Хальбвакса не сводится только к тому, что он первый начал исследовать коллективную память, а также показал её связь с индивидуальной памятью. Оно заключается также в том, что его идеи послужили основанием для исследований других авторов, завершившихся важными результатами, которые проливают свет на природу человеческой памяти. Среди этих результатов особое место занимает теория культурной памяти, разработанная Я. Ассманом.

Ян Ассман: «культурная память»

Немецкий учёный Ян Ассман (род. 1938) считается одним из крупнейших специалистов в области египтологии, а также истории

религии и культуры. В центре его научных интересов находятся проблемы религии и коллективной памяти в древних и новых обществах, исследованием которых он занимается вместе со своей женой Алейдой Ассман, считающейся также крупным специалистом в области истории, культурологи и антропологии. По мнению Я. Ассмана, высказанному им в 1992 году, когда появилась его книга «Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности», в последнее время наблюдается повсеместное увлечение темой памяти. Эта тема охватила умы исследователей – как на Востоке, так и на Западе. Я. Ассман не считал возрастание её актуальности случайным, а связывал его с тем, что современное общество перешло в эпоху, в которой высокий спрос на проблематику памяти обусловлен тремя факторами. Во-первых, появление электронных средств хранения информации представляет собой современную культурную революцию, которая по своему значению для развития цивилизации не уступает появлению письма, а затем и книгопечатания. Во-вторых, на современную культуру часто смотрят таким образом, что всё, завершившееся в ней, продолжает существовать только как предмет воспоминаний. В-третьих, в настоящее время подходит к концу эпоха, которая затрагивает нас более существенным образом, чем любая другая. Постепенно уходит из жизни поколение людей, которые были очевидцами крупнейших потрясений в истории человечества. В коллективной памяти рубежом эпох являются сорок лет, по истечении которых живое воспоминание постепенно уходит в прошлое, тогда как формы памяти о нём становятся всё более актуальными [2, с. 11].

Обращаясь к понятию памяти, Я. Ассман отмечает, что с ним ассоциируется прежде некий феномен, который локализован в мозгу человека. Этот феномен изучается физиологией, неврологией и психологией, но не культурологией. Однако содержание памяти и её организация определяются не внутренними рамками, а внешними факторами, на которые впервые

указал М. Хальбвакс. Отталкиваясь от идей М. Хальбвакса, Я. Ассман выделил четыре таких фактора, с которыми связаны различные формы памяти: миметическая, предметная, коммуникативная память и культурная.

Миметическая память связана с деятельностью людей, которой они обучаются через подражание. Использование письменных указаний для некоторых видов деятельности является сравнительно поздним явлением, которое так и не закрепилось окончательно. Поскольку человеческая деятельность не поддается полной кодификации, многие сферы повседневной жизни до сих пор основываются на миметической традиции.

Предметная память связана с предметами, которые окружают человека с древнейших времён. Эти предметы могут быть самыми разнообразными – от предметов утвари, одежды, инструментов до домов, улиц, городов, транспортных средств и т. д. Человек вкладывает в них свои представления об удобстве, красоте и целесообразности, которые косвенно характеризуют его самого. В то же время предметы созданного им мира содержат показатели времени, которые указывают ему на его настоящее, а также – на связанное с ним прошлое. Поэтому они напоминают человеку не только о нём самом, но и о его предках.

Коммуникативная память связана с языком, а также со способностью людей коммуницировать друг с другом. Язык людей, равно как и их способность коммуницировать друг с другом, приобретаются ими не из самих себя, а в результате общения с другими людьми. Сознание и память человека не могут быть истолкованы путём обращения к его психологии и физиологии, а требуют объяснения, предполагающего его взаимодействие с другими людьми. Они возникают в человеке благодаря тому, что он участвует в таком взаимодействии.

Последней формой памяти, выделяемой Я. Ассманом, является культурная память, которая связывается им с передачей смысла. Она образует пространство, в которое переходят все остальные формы памяти. Когда в рамках миметической памяти возникает

обряд, она становится культурной памятью. Поскольку обряды представляют собой форму передачи культурного смысла, они относятся к культурной памяти. К этой памяти относятся и вещи, когда они отсылают нас не только к какой-то цели, но и к какому-то смыслу. Надгробия, памятники, храмы и другие подобные вещи не вмещаются в рамки предметной памяти, становясь элементами культурной памяти. Содержащийся в них невидный показатель времени и идентичности становится явным, когда они рассматриваются в рамках культурной памяти [2, с. 19–21].

Рассматривая коллективную память в понимании М. Хальбвакса, Я. Ассман выделил четыре её формы, но его имя ассоциируется, прежде всего, с культурной памятью. То, что именно культурная память занимает центральное место в его исследованиях, обусловлено двумя главными причинами. Во-первых, к ней могут быть сведены остальные формы коллективной памяти. Во-вторых, культурная память связана с проблемой идентичности, которая является одной из ключевых социально-философских проблем современности.

Говоря о коммуникативной и коллективной памяти, Я. Ассман использовал выражение «формы коллективной памяти о прошлом». Первая из этих форм памяти включает в себя воспоминания, связанные с недавним прошлым. Они разделяются человеком с его современниками, а их типичным случаем является память поколения. Возникая вместе со своими носителями, эта память и проходит вместе с ними, то есть группа приобретает её исторически. Когда её носители умирают, она уходит в прошлое, а её место занимает новая память. Примерно через сорок лет взрослые очевидцы значимого события вступают в возраст, в котором всё большую роль играет воспоминание, а также возникает потребность в его передаче. То, что было живым воспоминанием, со временем будет передаваться только опосредованно [2, с. 53].

Культурная память отличается от коммуникативной тем, что она направлена на определённые моменты в прошлом, которые,

по словам Я. Ассмана, не сохраняются в ней как таковые, а сворачиваются в символические фигуры. Для неё важна не фактическая история, а та, которая воссоздана в воспоминании. Реальная история преобразуется в ней в историю, которая воссоздана воспоминанием. Такую историю Я. Ассман сравнивает с мифом, представляющим собой историю, с помощью которой настоящее объясняют из его происхождения. В качестве примера он приводит описанный в Библии исход еврейского народа из египетского плена, который является мифом об основании Израиля. Этот миф принадлежит культурной памяти еврейского народа, хотя учёные, занимающиеся исследованием Библии, расходятся относительно степени его историчности. Согласно Я. Ассману, воспоминание превращает историю в миф, но не делает её нереальной, поскольку она приобретает нормативную и формирующую силу.

Воскрешение в памяти воспоминаний о прошлом часто принимает форму праздника, который выполняет в обществе множество функций. Одной из этих функций является воскрешение в памяти обосновывающего прошлого, связанного с истоком или происхождением какого-то явления. Обосновывающее воспоминание имеет дело с мифами, ритуалами, танцами и другими объектами, имеющими как языковую, так и внеязыковую природу. Помощью обращения к прошлому обосновывается также идентичность социальной группы, которая является носителем культурной памяти. Таким образом, культурная память, констатирующая общность происхождения членов группы, является основанием для её идентификации как сплочённой общности [11].

Память и идентичность

Проблема идентичности остро стоит на самых разных уровнях существования общества – от индивидуального до макросоциального. Особую актуальность она приобретает для современного человека, поскольку нынешнее общество утратило устойчивые параметры социокультурной определённости, которыми обладало традиционное общество. Поэтому современный

человек вынужден самостоятельно искать решение идентификационных проблем, которые прежде практически не вставали перед ним.

При описании идентификационных проблем используются понятия «идентичность» и «идентификация», которые близки по содержанию, хотя полностью и не совпадают. В самом общем смысле идентификация представляет собой глубинную потребность человека к уподоблению некоторому объекту, который становится объектом поклонения. Её содержанием являются поиски индивидом моделей поведения, которые давали бы ему возможность отождествить себя с образцом, признанным в той или иной среде. Усвоение моделей поведения, принятых в такой среде, позволяет индивиду легче достигать своих целей, упрощает коммуникативные процессы в ней и т. д. Что касается идентичности, то она является, прежде всего, результатом социального взаимодействия, в процессе которого индивид смотрит на себя как на некоторый объект, обладающий определёнными признаками. Таким образом, понятия идентификации и идентичности характеризуют процесс самоструктурирования личности под воздействием социального окружения, но если в первом из них отражается сам процесс связи индивида с социальной общностью, то во втором – его результат [10, с. 95].

Я. Ассман определяет идентичность как осознание представления о себе, которое прежде было неосознанным. При этом своё определение идентичности он применяет как к индивидуальной, так и к коллективной жизни. Согласно Я. Ассману, человек является личностью только в той мере, в какой он сознаёт себя ею. Аналогичным образом социальная группа является племенем, народом или нацией только в той мере, в какой она сознаёт себя ими. Говоря о своём фундаментальном произведении, посвящённом культурной памяти, Я. Ассман отмечал, что в нём рассматривается связь между представлением о себе и социальной памятью. Согласно его пониманию, для общества характерно обращение к событиям прошлого с целью обоснования своего единства и своеобразия. Для своего самоопределения общество нуждается в прошлом, а национальная общность предполагает преемственность, уходящую вглубь веков [2, с. 142].

Завершая наш краткий анализ, подчеркнем, что осмысление не столь давно выдвинутых философско-исторических понятий продолжается. И понятие коллективной памяти, и понятие культурной памяти – работающие исследовательские инструменты. Они активно применяются и, видимо, по мере своего применения будут обогащаться новыми содержательными и методологическими идеями.

Список литературы

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память: пер. с фр. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.
4. Блауберг И. И. Анри Бергсон. Москва: Прогресс-традиция, 2003. 672 с.
5. Браун П., Рёдигер П., Макдэниэл М. Запомнить всё: усвоение знаний без скуки и зубрёжки; пер. с англ. Москва: Альпина Паблишер, 2015. 266 с.
6. Голиков А. В. Влияние концепции коллективной памяти Мориса Хальбакса на современные memory studies (на примере работ Я. Ассмана и А. Ассман) // Вестник РГГУ: Литературоведение. Языкоznание. Культурология. № 8, 2019. С. 197–209.
7. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. с сокр. А. Н. Ильинского; под ред. В. А. Базарова. Москва: Мысль, 1994. 399 с.

8. Емельянова Т. П. Коллективная память в контексте обыденного политического сознания // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 4, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory/
9. Корнищенко-Ермолаева Н. С. Идеология versus коллективная историческая память? К истории дискурса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 60, 2021. С. 64–73.
10. Лошакрева-Имгрунт С. И. «Идентичность» и «идентификация»: семантические грани понятий // Социально-гуманитарные знания. № 11, 2013. С. 89–95.
11. Макашева А. С. Культурная память: история изучения и основные концепции [Электронный ресурс]. URL: <https://culture.wikireading.ru/82337?ysclid=lrupvkpzit681149223>
12. Наталья Колягина. Морис Хальбвакс. Социальные рамки памяти. Уроки истории [Электронный ресурс]. URL: <http://urokiistorii.ru/media/book/halbwachs>
13. Редигер Г. Л. Три аспекта коллективной памяти [Электронный ресурс]. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/35266734/>
14. Романовская Е. В. Морис Хальбвакс: культурные контексты памяти // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 3. С. 39–44.
15. Сабанчеев Р. Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 2, 2014. С. 127–132.
16. Современная западная социология: словарь / сост. Ю. Н. Давыдов, М. С. Ковалёва, А. Ф. Филиппов. Москва: Политиздат, 1990. 432 с.
17. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.
18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. Москва: Новое издательство, 2007. 348 с.

*

Поступила в редакцию 01.02.2024